

Александр Павлов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ РАННИХ НЕМЕЦКИХ РОМАНТИКОВ¹

Существуют философские течения, которые в силу определенных обстоятельств, не воспринимают как течения, имеющие в своем составе политическую компоненту. Таково философское течение немецких романтиков, наследие которых занимает довольно большое место в истории немецкой мысли — с начала 1790-х и вплоть до окончания 1830-х гг. Однако, несмотря на то, что уже с момента возникновения романтизма как философского течения его рассматривали практически исключительно как эстетическое по своему наполнению, рефлексия политических событий и явлений играла далеко не последнюю роль в мировоззрении романтиков. Более того, политикой было проникнуто все их мышление, потому столь хорошо всем известная романтическая эстетика необходимо должна быть рассмотрена сквозь призму политических дискуссий того времени, когда жили и творили гении романтической мысли.

Впрочем, с точкой зрения, будто немецкий романтизм не был исключительно «литературным явлением», соглашаются почти все исследователи — начиная с Бертрана Рассела и заканчивая Фридрихом Мейнеке. А современная исследовательница национализма Лия Гринфельд таким образом подводит итог многолетним спорам о доле политической составляющей в идеях немецкого романтизма: «Романтизм традиционно ассоциируется главным образом с литературой. Несмотря на бесспорность того, что он был литературным феноменом среди прочих событий, если характеризовать его так, это неизбежно умаляет его значение и мешает нам понять его. Скорее, не порожденный литературой, а будучи решением проблем в литературном движении, романтизм был ограничен в Германии литературой случайно, потому что у его творцов не было другого выбора, кроме как быть сочинителями. [...] Настоящий — немецкий — романтизм был движением мысли, обра-

1. Статья подготовлена в рамках междисциплинарного научного исследования кадрового резерва гувшэ «Актуальные термины политической и правовой философии: политический романтизм».

зом мыслей, который нашел выражение почти в каждой области социально-экономического и культурного бытия породившей его страны и глубоко повлиял на ее будущее развитие»².

Поскольку немецкий романтизм — чрезвычайно непростое течение, то даже поверхностный обзор такого сектора идей немецких романтиков, как политическая философия — дело серьезное, которое требует гораздо большего времени и объема, чем может предоставить журнальная статья. По этой причине необходимо ввести своеобразное ограничение — рассмотреть лишь один из трех периодов истории немецкого романтизма. Поэтому в нашем случае речь пойдет о самой ранней фазе эволюции романтической мысли — с 1797 по 1802 гг.³ Как правило, наиболее значимыми фигурами течения этого временного отрезка считаются Новалис (1772–1801), Шлейермахер (1768–1834) и Фридрих Шлегель (1772–1829). Сюда же можно было бы добавить сочинения раннего Фихте, однако он никогда не принадлежал к романтикам и никогда не идентифицировал себя с ними. Тем не менее его работы больше влияли на романтиков, нежели это можно было бы представить. Соответственно, хотя Фихте и редко посещал собрания кружка ранних романтиков, некоторые из ключевых идей течения (роль искусства в обществе, органическое понятие природы, место личности в этике) были просто-напросто реакцией на философию этого великого ученика Иммануила Канта.

Однако следует сказать, что не только Новалис, Шлейермахер и Шлегель составляли кружок романтиков. Помимо этих писателей, поэтов, философов в кружок входили Людвиг Тик (1773–1853), Вильгельм Вакенродер (1773–1798), Фридрих Шеллинг (1775–1854), Август Вильгельм Шлегель (1767–1845), брат Фридриха Шлегеля⁴. Географически ранний немецкий

2. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 304. Объем статьи, к сожалению, не позволяет нам обильно цитировать как основные, так и второстепенные источники. Поэтому мы свели к минимуму цитаты, тем самым придав статье обзорный характер. Желающие познакомиться с политико-правовой мыслью романтиков подробнее, могут посмотреть ссылки на сочинения, указанные в тексте.
3. Обычно говорят о трех фазах развития романтизма: ранней (1791–1802), средней (1803–1815) и поздней (1816–1830). Для каждого из периодов романтической мысли характерны свои лидеры движения и те вопросы, которыми занимались члены кружка. Более того, каждая из фаз могла характеризоваться такими идеями, которые были не свойственны другим. Поэтому, хотя движение как таковое и носит название «романтизм», не стоит трактовать, скажем, ранний романтизм в свете позднего так, как будто он совершенно не являлся самостоятельным течением мысли. Здесь также надо сказать, что, когда немецкий философ права Карл Шмитт писал о «политическом романтизме», он главным образом характеризовал вторую фазу развития романтической мысли, сконцентрировав всю критику «политических романтиков» лишь на фигуре Адама Мюллера (активная деятельность которого относится к 1803–1815 гг.), что делает исследование Шмитта не вполне «легитимным», ибо в нем нет анализа воззрений многих других важных представителей данного интеллектуального течения.
4. Очень сложно найти у исследователей рассмотрение собственно политических или правовых взглядов романтиков. Поэтому более чем ценным может оказаться

романтизм «концентрировался» в Йене и Берлине. Некоторое время группа литераторов и писателей встречалась в доме Шлегеля в Йене, а также в литературных салонах Генриетты Герц и Рахель Ливен в Берлине. Там участники движения обсуждали вопросы философии, поэзии, политики и религии. Члены кружка называли себя «новой школой», «новой сектой» и немного позднее «романтической школой» (как известно, последнее название стало гораздо более знаменито, чем два предшествующих). Обратим внимание на то, что конец первого периода эволюции мысли романтизма ознаменовали собой несколько событий — смерти Новалиса (1801) и Вакенродера (1798), а также отъезд братьев Шлегелей из Йены в 1802 г.

Итак, что же объединило разных представителей немецкой мысли, почему воззрения группы литераторов были обозначены одним общим понятием? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Ранние романтики сделали своим центральным понятием «эстетику» и «искусство», которое стало для них основной ценностью, главной целью существования человека и общества. Искусство было для романтиков всем: источником абсолютного знания, средством совершенствования личности, посредником между человеком и природой и самое главное — источником социальной гармонии. Однако необходимо обратить на это особое внимание, романтики провозглашали единство эстетики, политики и религии, а потому термин «политика» (в отношении романтизма) должен пониматься не в узком, а в самом широком значении этого слова.

Вот почему, несмотря на то, что романтизм был по преимуществу эстетическим движением, он занимает не последнее место в истории современной политической мысли. Именно романтики придумали и развили понятие «сообщества» в качестве альтернативы атомизму современного им социального устройства; они сформулировали этику любви и самореализации, отреагировав на формализм этики кантианской; они поставили под большой вопрос некоторые ценности ранней либеральной мысли, особенно акцент сторонников личной свободы на индивидуализме; и, конечно, они одними из первых стали призывать к внедрению социальных ценностей — освобождение женщин, сексуальная свобода и тому подобное — без которых мы не можем помыслить современный мир.

* * *

Сегодня политическая мысль раннего романтизма должна быть чрезвычайно интересна исследователям и некоторым политикам, воздающим должное идеологии своих политических программ (к сожалению, далеко не все могут этим похвастаться), ведь в некотором смысле ранние романтики синтезировали лучшие пункты «либерализма» и «консерватизма», оставляя за скобками

фундаментальное сочинение Бориса Чичерина «История политических учений», в котором он подробно описал политическое учение Фридриха Шлегеля и Фридриха Шлейермахера (но, к сожалению, не Новалиса). См.: Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. II. СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2008. О Шлегеле см.: С. 678–686; о Шлейермахере см. С. 686–728.

ми лишнее — все крайности, присущие этим идейным течениям. Таким образом, можно сказать, что ранний романтизм — это довольно успешный синтез двух основных идеологий. Хотя романтики настаивали на том, что сообщество первично по отношению к индивиду, они понимали, что значение свободы личности очень велико. В то время как они указывали на необходимость соблюдать традиции и придерживаться естественного развития, они также питали и пиетет по отношению к прогрессу и политическим реформам. Несмотря на отвержение узкого рационализма, романтики признавали ценность разума. Подобное «снятие» противоречий (если выражаться языком гегелевской философии) особенно важно, если учитывать, тот факт, что в конце XVIII столетия идеологии, которые еще только через пятьдесят лет станут доминировать в мировоззрении многих людей, только-только начинали формироваться. Иными словами, романтики на несколько десятилетий раньше апологетов либерализма и консерватизма поставили вопрос о фундаментальных основаниях этих идеологий. Кроме того, довольно любопытно, что в некотором смысле через тридцать лет «идейно-политическую модель» ранних романтиков воспроизвели славянофилы в николаевской России, также осуществив либерально-консервативный синтез.

Однако поскольку романтики воспринимаются, прежде всего, как эстетическое движение, необходимо описать соотношение в их идеях сфер искусства и политики. Ведь именно это и дало бы право назвать ранний романтизм «политическим». Совершенно очевидно, что искусство для них представляло цель саму по себе, которой и были подчинены политика и мораль. Во многом именно поэтому ранних романтиков неверно описывают как «политически индифферентных». Однако в этом подобном почтении искусства необходимо видеть и еще кое-что, особенно если поместить идеи ранних романтиков в тот социальный контекст, в котором эти идеи формировались.

Политическая мысль ранних романтиков оформилась к концу 1790-х, когда все последствия и основные теоретические проблемы, созданные Французской революцией 1789 г., уже были очевидны⁵. Романтики были очень рады штурму Бастилии и установлению республики. Конечно, еще больше они радовались крушению *ancien régime*. Разумеется, все они разделяли идеалы *liberté, égalité et fraternité*, защищали права человека. Надо сказать, что подобный энтузиазм был характерен для всех немецких интеллектуалов конца XVIII столетия. Однако очень скоро пыл романтиков, приветствовавших революцию, значительно поубавился. Они первыми увидели разрушение традиционных социальных институтов, всевозрастающий материализм и атеизм французских интеллектуалов, а также возникший вакуум в обществе. Они стали признавать, что лучшим политическим устройством стала бы не республика, а некая смесь трех политических режимов — демократии, аристократии и монархии. Вместе с тем и Новалис, и Шлегель,

5. О первом этапе романтической мысли подробно см.: Гайм Р. Романтическая школа. СПб.: Наука, 2006. С. 23–283.

и Шлейермахер вплоть до начала 1800-х гг. продолжали подчеркивать, что они придерживаются идеалов республиканизма. Их же возрастающая «умеренность», подчеркивали романтики, отнюдь не свидетельствовала об их «консерватизме», но лишь отражала общий тренд всех интеллектуалов, осмыслявших последствия революции (не исключая, конечно, мыслящих людей в самой Франции).

Следует также сказать, что хотя немецкие романтики и приняли принципы Французской революции, ее практика их не удовлетворила совершенно. Они не верили, что фундаментальные политические изменения могут быть произведены посредством массового восстания или кровопролитного бунта. И уж тем более они не могли одобрить насилия, «бессмысленного и беспощадного». Романтики выступали за умеренную реформу, которую должна была произвести мудрая, опытная, благородная элита. Наблюдая за тем, что происходило во Франции на протяжении 1790-х гг., романтики пришли к выводу, что народ (не только французский, но и немецкий) еще не готов к тому, чтобы самостоятельно воплотить в жизнь идеалы республики. А раз так, его необходимо образовывать и просвещать.

Вдохновленные размышлениями о просвещении Фихте и Канта, романтики были уверены, что именно они сами должны стать проводниками идеалов гуманизма для пока еще не образованных масс. Однако так, конечно, считали не только романтики. Последних от всех прочих отличало то, что они настаивали, что искусство и только искусство может заставить действовать людей в соответствии с принципами разума, в согласии с высокими нравственными идеалами республики. Несмотря на то, что они сходились с Кантом и Фихте в том, что разум знает и, более того, дает нам представления о наших моральных принципах, они отмечали, что он не может заставить нас действовать в согласии с ними. Люди, настаивали романтики, должны отдавать должное импульсу, страстям, эмоциям. Другими словами, они признавали не только ценность разума, но и значения чувственности. И в конце концов, эти понятия наиболее ценны для искусства, которое-то и может реализовать моральные и политические принципы свободы, равенства и братства республики.

Соответственно, романтики полагали, что искусство должно быть подчинено интересам человечества. Шлегель и Новалис часто говорили, что ценность красоты заключается в том, что она представляет собой символ «блага». Хотя это может показаться парадоксальным, но они делали акцент на автономии искусства лишь потому, что оно символизировало свободу. Романтики настаивали, что всякое искусство подразумевает свободу лишь в том случае, если оно не подчинено социальным или политическим целям.

Так получается, что эстетика ранних романтиков неразрывно связана с их политикой. Это особенно очевидно, если взглянуть на самую важную тему в раннем политическом романтизме — «поэтическое государство». Шлегель и Новалис настаивали на том, что совершенное государственное устройство создано и организовано лишь в соответствии с идеалом красоты. А правитель такого государства — художник из художников, главный поэт,

режиссер театра, где все граждане политической организации — актеры. Можно сказать, что в каком-то смысле «поэтическое государство» является антагонистом платоновской республики. Во-первых, подданные государства вправе играть те роли, которые хотят сами, а вовсе не те (как у Платона), которые предписаны им природой. Во-вторых, поэтическое государство совершенно именно потому, что в его пределах отдается должное значение искусству, в то время как у Платона многие виды искусства должны были быть уничтожены, а точнее «изгнаны» из полиса, ведь они делали души граждан чрезмерно нежными.

Однако излишнее внимание к сфере чувственного в ущерб сфере рационального — это не единственный пункт программы романтиков, в котором они ограничивали разум в его действиях. Гораздо более важно отношение ранних романтиков к немецкому Просвещению. Просветители наделяли разум высшей властью. И разум употреблял эту власть совершенно особым образом. Он критиковал все моральные, политические и религиозные принципы, на которых основывалось традиционное общество. А если у них не было достаточно аргументов в пользу рациональности, эти принципы отвергались как неправильные или, по крайней мере, как весьма сомнительные. Однако, отвергая какие-либо политические или моральные принципы, разум в качестве негативной силы создавал социальный вакуум. Вместе с тем еще более кошмарным последствием засилья разума становилось то, что личности и общество теряли связь с природой, а также со всем мистическим, магическим и прекрасным. В конце концов люди теряли религиозную веру, с тех пор как разум стал утверждать, что она — не более чем мифология. Конечно, такие выводы романтики принять не могли, а потому они предприняли крестовый поход против просвещения и рационализма.

Так, романтики стали ратовать за «иррационализм». Однако в отличие от таких консервативно мыслящих политических теоретиков, как Жозеф де Местр и Эдмунд Бёрк, романтики не предлагали заместить разум «предрассудками» и, само собой, они не желали возвращаться к «мудрости наших предков». «Иррационализм» романтиков сводился к тому, что они вовсе не отрицали разум как таковой: они просто надеялись ограничить критическую функцию нашего *ratio* определенными рамками, стремясь сделать так, чтобы разум не оказывал сильного давления на свободу личности. Подобная установка помогла им разрешить фундаментальную проблему политической философии — ответить на вопрос, как можно ограничить разум без того, чтобы отрицать его совершенно.

Они быстро нашли выход из сложившейся ситуации, решив задачу с помощью «эстетики». Если разум, подвергая все критике, олицетворял негативную силу, то искусство с его созданием прекрасного — позитивную. В то время как разум способен лишь на то, чтобы критиковать, искусство могло создавать, ибо главный инструмент искусства — это воображение, которое и обладает силой творить внешний мир. В принципе романтики лишь дополнили рационализм Канта и Фихте одним единственным положением. Кант и Фихте настаивали на том, что мы живем в мире, который

сами же и создаем. Романтики, соглашаясь с этим положением, лишь добавляли: то, что мы создаем, это — искусство, и делаем мы это с помощью художественных средств. Такова была суть знаменитого «магического идеализма» романтиков⁶.

* * *

Хотя ранние немецкие романтики не писали огромных трактатов или специальных работ по политической философии, они с большим интересом (и не меньшей серьезностью) относились к насущным проблемам политики и права — не только современным им актуальным политическим вопросам, но и теоретическим задачам, которые беспокоили всех философов или мыслителей, начиная с Платона. Несмотря на то, что довольно тяжело представить себе, что люди, провозглашавшие принцип «искусство для искусства», могли всерьез заботиться насущными проблемами права, романтики были хорошо осведомлены обо всех политических доктринах, популярных в конце XVIII столетия. Более того, внимательное чтение «Любви и веры» Новалиса⁷ или «Эссе о республиканизме» Шлегеля показывают нам, что авторы этих книг были не только знакомы с данными доктринами, но и предлагали свои решения поставленных временем, в которое они жили, проблем.

Именно поэтому мы можем адекватно понять политическую мысль ранних романтиков, только если поместим ее в контекст двух популярных, но конкурирующих друг с другом традиций правовой и политической мысли — просвещенного абсолютизма и либерализма.

Теория просвещенного абсолютизма в Германии была на слуху с самого начала XVII столетия. К середине XVIII в. она не только стала общеизвестной, но и приобрела довольно большую популярность. Однако после Французской революции ее позиции сильно пошатнулись, и было довольно сложно ратовать за просвещенный абсолютизм после всех последующих социально-политических событий. Вместе с тем она подавала знаки жизни, и можно было найти людей, исповедующих подобного рода убеждения. Одним из таких мыслителей, живших во времена зарождения романтической мысли, был Христиан Вольф — довольно известный тогда философ.

Главной установкой просвещенного абсолютизма было следующее: добиться того, чтобы государство посредством мудрого законодательства и управления обеспечило счастье своим подданным, установив помимо прочего в обществе, которым это государство управляло, высокие мораль-

6. См.: о славянофилах в этом ключе: Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. New York: The Universal Library, 1965. P. 278–312.

7. Британский политический деятель и мыслитель, между прочим, также придававший большое значение эстетике, Эдмунд Берк написал свои размышления очень скоро — в 1790 г. Однако все прочие «реакционеры» (и не только романтики) отреагировали на революцию довольно поздно. Например, «Рассуждения о французской революции» Жозефа де Местра увидели свет лишь в 1797 г. — в эпоху расцвета мысли ранних немецких романтиков. См.: Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.

ные устои. В общем, благосостояние народа — основная рациональная цель государства, однако при этом народ не является законодателем собственных интересов, а потому вообще не участвует в делах управления. Как метко выразился на этот счет Фридрих II: «Правление для народа, но ни в коем случае не народом». Так, в принципе можно было бы выразить суть этой теории.

Что касается либерализма, то с ним все было несколько сложнее, особенно если учесть, что как таковая либеральная идеология в окончательном варианте сформировалась значительно позже 1790-х гг., о которых, собственно, и идет речь. Сам по себе либерализм еще не был сформирован, не говоря уже о его национальном немецком варианте. Более того, сам термин «либерал» или «либеральный» не входил в широкий оборот в Германии вплоть до 1830-х гг. Однако большинство позднейших либеральных идеалов полностью соответствуют идеям многих немецких мыслителей 1790-х. Среди прочих можно было бы назвать Фридриха Шиллера, Иммануила Канта и Вильгельма фон Гумбольдта⁸.

Примечательно, что ранняя доктрина «протолиберализма» (назовем ее так, ибо это наименование гораздо более точно характеризует идеи упомянутых мыслителей, чем термин «либерализм») представляла собой реакцию на позицию абсолютистов. Потому-то главная цель государства, настаивали протолибералы, — защита прав своих граждан, которые в свою очередь должны стремиться к такому счастью, каким они видят его сами, а не к тому, каким полагает его государство. Правительство не должно вмешиваться в частную жизнь своих подданных, а последние, в свою очередь, вольны делать все, что захотят, пока это самое «все, что захочется» не столкнется с поведением других лиц. И хотя эта установка фактически ничем не отличается от позднейших либеральных доктрин, отличия протолибералов от своих потомков очевидны. Если, скажем, либералы второй половины XIX в. лучшим режимом политико-правового устройства считали демократию, то ранним защитникам частных свобод было все равно, в какой форме государственного устройства эти самые свободы будут культивироваться: это могла быть и монархия, и республика.

К концу 1790-х, когда ранние романтики достигли своего акме, обе политические традиции выглядели уже довольно устаревшими. Во многом они, конечно, увяли из-за двух внешних факторов, которые представители этих

8. Хорошо известно, что немецкий классический философ Иммануил Кант разработал собственную систему гигиенических правил, которые необходимо соблюдать, несмотря ни на какие внешние факторы. Одним из таких правил были ежедневные длительные прогулки. Весьма примечательно, что такую прогулку он не совершил лишь дважды в жизни. Один раз, между прочим, он не пошел гулять, узнав о том, что во Франции произошла революция. Британский историк Эрик Хобсбаум пишет об этом «инциденте» гораздо более иронично: «Даже строгий философ Иммануил Кант из Кенигсберга, который, как известно, был в своих привычках так последователен, что горожане проверяли по нему часы, отложивший час своего послеобеденного моциона, получив это известие, довел до сознания кенигсбержцев, что произошло событие, потрясшее мир». См.: Хобсбаум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 91.

традиций не слишком торопились учитывать, предлагая свои политико-правовые проекты — это революция и быстрый рост гражданского общества. В то время как абсолютизм пытался держаться основ *ancien régime*, либерализм оставался слеп по отношению к росту свободной торговли, деревенскому производству и медленной, но довольно заметной урбанизации. Хотя, разумеется, индустриальная экономика в Германии появилась лишь к концу XIX столетия, основные проблемы гражданского общества немцам были известны уже с конца XVIII в.: нищета, бездомность, «дегуманизация производства» (если выражаться языком политической философии раннего Маркса).

Именно в этих условиях Новалис, Шлегель и Шлейермахер отвергали абсолютизм, который связывали с именем Фридриха II. Они видели в его политике лишь стремление централизовать управление, которое совершенно не учитывало и, более того, отвергало местное самоуправление и сводило инициативность граждан к нулю. Граждане могли получить лишь то благосостояние, которое им мог предоставить монарх. Однако после революции было невозможно не требовать большего участия народа в делах управления государством, чего представители абсолютизма принять (а зачастую даже и понять) не могли.

Тем не менее либерализм не устраивал юных романтиков по тому же самому критерию, согласно которому они не любили абсолютизм, однако на этот раз он шел со знаком «плюс», а не «минус». Если абсолютизм недооценивал свободу, то либералы доводили ее до крайности. Протолибералы настаивали, что цель каждого человека — это стремление к счастью и личной самореализации, а потому они совершенно не принимали в расчет ценности «сообщества», отдавая приоритет лишь правам личности. Если выражаться на языке современной политической теории, то они гипертрофировали идеи либертарианства, совершенно не учитывая ценностей коммунитаризма. Таким образом, либералы как бы вырывали личность из сообщества, коммуны, лишая ее возможности участвовать в жизни коллектива. Как заметил по этому поводу Новалис: «Уход от общинного духа есть смерть».

Таким образом, отвергая обе политические традиции, романтики пришли к выводу, что в современной им политической мысли существуют две не решаемые проблемы: это отсутствие личной свободы (у абсолютизма) и игнорирование «сообщества» (у протолиберализма). Надо сказать, что это было общей проблемой для всего постреволюционного поколения — совместить сообщество и индивидуальную свободу, свести к минимуму атомизм и отчуждение гражданского общества и одновременно не отказываться от принципов «свободы, равенства, братства».

Тогда романтики предложили свое решение проблемы, сконструировав концепцию «органического государства». Новалис описал его в «Любви и вере», Шлегель в «Лекциях по трансцендентальной философии», а Шлейермахер — в «Монологах»⁹. Целью модели, разработанной романтиками,

9. Shlegel F. Philosophical Lectures: Transcendental Philosophy // The Early Political Writings of the German Romantics... P. 143–158.

было «примирить» общество и личность, равенство и братство в рамках *традиции*. Соответственно, в этой концепции было два существенно важных пункта. Во-первых, «органическое государство» составят различного рода группы, которые и будут ответственны за самоуправление и, кроме того, смогут выполнять функцию народного представительства, то есть выступать посредником между правительством и народом. Во-вторых, «органическое государство» в отличие от «механического» вовсе не будет следовать какому-то абстрактному плану, заданному свыше, не важно, кто его разработает монарх или революционная комиссия. Вместо этого оно будет медленно и постепенно «адаптироваться» к окружающим условиям — к верованиям, местным традициям, обычаям и потребностям народа. Эта идея естественного развития государства роднит романтиков с консервативно мыслящим Эдмундом Бёрком, оказавшим большое влияние на Шлегеля и Новалиса. Однако нужно сказать, что «органицизм» романтиков в отличие от беркианского был гораздо более популистским и прогрессивным. Романтики считали, что естественная эволюция государственных институтов служит не тому, чтобы сохранялся старый порядок, существующий из века, но тому, чтобы учитывались потребности и традиции народа, ведь такая эволюция гораздо более демократична, чем централизованное правление.

В целом можно сказать, что романтики в отличие от консерваторов (английских, французских и, конечно, немецких) не были реакционными, потому-то их идеалы сегодня кажутся гораздо более современными, чем принципы любой охранительной идеологии. Их акцент на лучших элементах коммунитаризма и либертарианства, их стремление к построению гражданского общества на основе естественного развития, а также попытка примирить разум и чувства позволяют нам говорить, что сегодня мы могли бы научиться у них гораздо большему, чем сами думаем. Но для того чтобы мы извлекли из их политической философии определенные выводы и видимую пользу, мы должны внимательно читать их самих.